

В нашей стране люди привыкли терять деньги

ИНТЕРВЬЮ С ОБМАНУТОЙ ДОЛЬЩИЦЕЙ ИННОЙ КАН

Чтобы глубоко проникнуться проблемами обманутых дольщиков, необязательно самому находиться в такой же ситуации. Но каждый, услышав такую историю, наверное, подумает: «Не дай Бог, это случится со мной».

О том, что переживает человек или семья в ситуации, когда надежда на завершение строительства твоего дома становится все более призрачной, мы узнаем у Инны Кан.

— **Инна, Вашу историю можно назвать типичной для многих тысяч российских семей обманутых дольщиков. Расскажите, когда и как Вы почувствовали угрозу?**

— Мы с мужем жили в маленькой двухкомнатной квартире в Москве. После рождения ребенка стало совсем тесно, особенно, когда к нам приехала мама. Решившись на расширение жилья, в 2005 году мы срочно продали квартиру, чтобы получить деньги для первого взноса, а сами стали жить на съемной квартире.

Мы купили квартиру в строящемся комплексе по адресу: Ленинградское шоссе, владение 25. Дом был абсолютно надежен с точки зрения документов, потому что входил в инвестиционный проект Правительства Москвы. Мне показали инвестиционный контракт, где действительно значилось, что 50% доли принадлежало Правительству Москвы.

В момент покупки дом был возведен до 3-4 этажа, по плану он должен был быть достроен и сдан в 2006 году, то есть в течение года. В договоре было зафиксировано: «Ориентировочный срок сдачи 2006 год», а также то, что срок окончания строительства регулируется постановлением Правительства Москвы. Ипотеку на 15 лет оформлял Сбербанк, все было очень солидно, и у нас с мужем не было и тени сомнения в сделке.

— **Как можно за полгода достроить 40-этажный дом?**

— Конечно, мы понимали, что сроки могут быть сдвинуты, но стройка велась очень активно. Мы с мужем рассчитывали, что строительство продлится в течение двух лет, то есть мы были настроены на то, что будем снимать квартиру еще два года. Вот такой был план. В 2006 году стройка еще шла, возвели каркас, а в 2007 году все остановилось, уже не видно было никаких движений. Мы заволновались, спрашиваем: где строители? Нам говорят: все внутри.

Мои коллеги, проезжая мимо дома, стали говорить: «Инна, что-то там ничего не происходит». Я им говорю, не волнуйтесь, все нормально. Я тогда еще и себе

говорила: все будет хорошо.

Так прошел 2006 год... Пошел 2007, а дом все никак не строился. Мы с мужем стали искать сайты, связываться с другими жильцами, вникать, в чем проблема. Очень не хотелось верить в плохой исход, хотелось верить, что все будет хорошо. Это очень страшно, когда ты работаешь и создаешь лучшие условия, а в реальности оказывается, что теперь ты никто, и твое место на улице.

Когда и к 2008 году ничего не изменилось, мы поняли, что присоединились к тем «обманутым дольщикам», которых видели по телевизору, но тогда думали, что они сами виноваты — погнались за дешевизной. А ведь мы заплатили немалые деньги. В общем, стали ходить на собрания инициативной группы.

Мы решились на митинг, и в декабре 2008 года провели первое публичное выступление, выйдя на площадь Краснопресненской заставы города Москвы. Собралось около 120 человек с ораторами, с плакатами. На мероприятие при-

Я рада, что среди нас есть люди с активной жизненной позицией. Для меня этот вопрос более принципиальный, чем просто вопрос жилья. Здесь будут жить наши дети, и я бы не хотела, чтобы они выросли с установкой, что в нашей стране бесполезно искать правды.

шло много журналистов, они брали у нас интервью.

Тогда-то и написали первое обращение к президенту, в котором призывали к ответственности Правительство Москвы.

— **Какая была реакция со стороны правительства и президента?**

— Правительство Москвы признало свое участие, и комплекс был взят под личный контроль Ресина. Назначили новый срок сдачи объекта — конец 2009 года. И действительно, в 2008 году достроили верхние этажи, даже построили детскую площадку.

Мы воодушевились, смахнули слезы, вновь обрели надежду и стали ждать. Но... в 2009 ничего не произошло, строительство опять было остановлено.

Опять стали писать письма,

Мы решили идти до конца. Мы столько ждали, столько терпели, столько сделано, что уже действительно жалко оставить. Будем объявлять голодовку, пойдем на митинг.

организовывать публичные акции. У меня скопилось огромное количество писем от чиновников с одними и теми же объяснения-

На митинге 27 июля 2011 года

ми и разными сроками. После очередной акции назначили новый срок сдачи объекта — лето 2010 года. Мы воодушевились, но

те внимание на нашу проблему.

— **И как, помогло?**

— Да. Одним из основных призывов было не допустить сдачу дома в недостроенном виде.

— **Как это вообще возможно — сдать недостроенный дом, с недоделками?**

— Все делается по отработанной схеме. Допустим, строится дом, у него остаются какие-то недоделки, но дом сдается госкомиссии под гарантийные письма застройщика.

После наших писем Мосстройнадзор отозвал заключение о соответствии — это один из до-

Обманутые дольщики решили идти до конца

правительство могло отказаться от обязательств, и сказать: ребята,

кументов, сопутствующих сдаче объекта в эксплуатацию.

Меня пригласил на совещание заместитель руководителя департамента Правительства Москвы и попросил больше не писать жалобы, сказав при этом, что нам больше беспокоиться не о чем. Встреча происходила зимой 2010 года, и тогда он обещал, что в марте дом будет сдан.

В марте, естественно, ничего не произошло. Потом сказали — в

августе. Мы проводили пикет в июле прошлого года перед домом, спросили у строителей, когда сдача дома. Они ответили — в августе. Наглая ложь.

— **Возможно, недоделки мелкие, и их можно устранить силами жильцов?**

— На мелкие недоделки мы согласны, но в данном случае речь идет о сотнях миллионов рублей, а такие деньги мы не соберем.

— **Кто является застройщиком по договору?**

— Компания «Это-С». Сергей Гляделкин — владелец этой компании. У него есть еще другие объекты. Понятно, что у него тесные связи с чиновниками.

— **А через суд не пробовали решать?**

— Когда мы покупали квартиру, 50 процентов от стоимости мы платили компании «Это-С», а 50 процентов — страховой компании. Той страховой компании уже не существует. Это схема ухода денег. И если сегодня подавать в суд и требовать возмещения, я получу только 50 процентов, потому что я не могу предъявить страховой полис.

— **Ясно. Вы говорили по телефону, что готовы пойти на крайние меры — объявить голодовку. Думаете, поможет?**

— В любом случае, я считаю, что это нам поможет, пусть Правительство Москвы почувствует свою причастность. А поскольку мы не сдаемся, нас не могут «кинуть». Мы будем идти до конца.

В нашей стране люди привыкли терять деньги. Может, кому-то они легко достаются, но многим — нет. Мне кажется, что все было рассчитано на то, что никто не будет бороться, а примут то, что есть.

Я рада, что среди нас есть люди с активной жизненной позицией. Для меня этот вопрос более принципиальный, чем просто вопрос жилья. Здесь будут жить наши дети, и я бы не хотела, чтобы они выросли с установкой, что в нашей стране бесполезно искать правды, что государство стоит на стороне компаний, а не простых граждан, что государственные чиновники не несут ответственности за свою работу и т. д.

— **Что решили в итоге?**

— Мы решили идти до конца, уже нет смысла бросать на полпути, когда столько мучений пройдено. Мы столько ждали, столько терпели, столько сделано, что уже действительно жалко оставить. Будем объявлять голодовку, пойдем на митинг, я верю, что осталось уже немного.

Ульяна КИМ